

СОДЕРЖАНИЕ

Самобытная культура. Новая средиземноморская культура, 1937. <i>Перевод Е. Головиной</i>	3
В защиту интеллигенции, 1945. <i>Перевод Е. Головиной</i>	15
Выступление Альбера Камю (перед румынами), 1945. <i>Перевод Е. Головиной</i>	21
Кризис человека, 1946. <i>Перевод Е. Головиной</i>	24
Правда ли, что мы пессимисты? 1946. <i>Перевод Е. Головиной</i>	49
Выступление на круглом столе «Цивилизации», 1946. <i>Перевод Е. Головиной</i>	57
Послание, прочитанное Жаном Амрушем в Доме химии, 1946. <i>Перевод Е. Головиной</i>	73
Неверующий и христиане. Лекция в монастыре Латур-Мобур, 1946. <i>Перевод Е. Головиной</i>	77
Испания? Думаю, что больше не смогу о ней говорить... 1946–1947. <i>Перевод Е. Головиной</i>	101

Я отвечаю... 1948. <i>Перевод Е. Головиной</i>	104
Защитник свободы, 1948. <i>Перевод И. Волевич</i>	109
Время убийц, 1949. <i>Перевод Е. Головиной</i>	123
Европа и верность, 1951. <i>Перевод Е. Головиной</i>	150
Лекция в обществе «Казаль-де-Каталония» [Календарь свободы: 19 июля 1936], 1951. <i>Перевод Е. Головиной</i>	162
Речь Альбера Камю о всеобщих выборах в Великобритании, 1951. <i>Перевод Е. Головиной</i>	171
Призыв в защиту осужденных на смертную казнь, 1952. <i>Перевод Е. Головиной</i>	180
Испания и культура, 1952. <i>Перевод И. Кузнецовой</i>	186
Хлеб и свобода, 1953. <i>Перевод И. Кузнецовой</i>	194
Лекция в зале «Мютюалите» [Календарь свободы: 17 июня 1953 года], 1953. <i>Перевод Е. Головиной</i>	205
Будущее европейской цивилизации, 1955. <i>Перевод Е. Головиной</i>	213
О будущем трагедии, 1955. <i>Перевод Е. Головиной</i>	246
Испания и донкихотство, 1955. <i>Перевод Е. Головиной</i>	265
В поддержку журналиста в изгнании, 1955. <i>Перевод Е. Головиной</i>	270
О Достоевском, 1955. <i>Перевод Е. Головиной</i>	282
Призыв к гражданскому перемирию в Алжире, 1956. <i>Перевод Е. Головиной</i>	286
Познать, 1956. <i>Перевод Е. Головиной</i>	300

<i>СОДЕРЖАНИЕ</i>	381
Партия свободы. Приветственная речь в честь Сальвадора де Мадарьяги, 1956. <i>Перевод Е. Головиной</i>	306
Обращение к французской молодежи в защиту Венгрии, 1956. <i>Перевод Е. Головиной</i>	317
День, когда Кадар испугался, 1957. <i>Перевод Е. Головиной</i>	322
Послание венгерским писателям в изгнании, 1957. <i>Перевод Е. Головиной</i>	332
Речь 10 декабря 1957 года. <i>Перевод И. Кузнецовой</i>	334
Лекция 14 декабря 1957 года. <i>Перевод И. Кузнецовой</i> ..	341
Чем я обязан Испании, 1958. <i>Перевод Е. Головиной</i>	367
Лекция в Алжирской ассоциации, 1958. <i>Перевод Е. Головиной</i>	374

Самобытная культура. Новая средиземноморская культура

1937

Член Алжирской коммунистической партии (АКП) с конца лета 1935 года, Альбер Камю принял активное участие в ее культурной деятельности, основав «Театр труда», в котором не только руководил труппой, но и сам выступал в качестве автора переработок литературных произведений для сцены, режиссера и актера. Одновременно он занял пост генерального секретаря Алжирского Дома культуры, занимавшегося организацией кинопоказов, концертов и публичных лекций. 8 февраля 1937 года, в день торжественного открытия данного учреждения, 23-летний Альбер Камю прочитал эту лекцию, текст которой был напечатан в первом номере бюллетеня Алжирского Дома культуры «Молодое Средиземноморье» в апреле 1937 года. Осенью того же года Альбер Камю покинул ряды АКП.

I

Дом культуры, на открытии которого вы сегодня присутствуете, ставит своей целью служение средиземноморской культуре. Верный общим тенденциям развития учреждений

подобного типа, он хотел бы способствовать созиданию региональной культуры, существование и значение которой больше не нуждаются в доказательствах. В связи с этим есть, вероятно, нечто удивительное в том факте, что левая интеллигенция способна служить культуре, не имеющей, казалось бы, ничего общего с ее интересами, а порой, с руки правых теоретиков (как в случае Морраса¹), даже им противоречащей.

Действительно, может сложиться впечатление, что служение делу средиземноморского регионализма означает тщетную и бесперспективную попытку реставрации традиционализма, если не превознесение одной культуры в ущерб другой или, например, рассуждая в извращенной логике фашизма, стремление столкнуть латинские народы с народами северными. Все это — одно сплошное недоразумение, и цель настоящей лекции — постараться его разрешить. Корень заблуждения таится в том, что мы часто путаем Средиземноморье и Латинский мир и связываем с Римом то, что началось в Афинах. Для нас это очевидно, и вопрос вовсе не в каком-то национализме солнца. Мы не можем становиться рабами традиции и ставить наше живое будущее в зависимость от подвигов давно почивших героев. Традиция — это прошлое, уродующее настоящее. Напротив, окружающее Средиземноморье — живой край, наполненный игрой

¹ Шарль Моррас (1868–1952) — французский публицист, критик, поэт, политический активист крайне правых националистических взглядов. — *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. пер.*

и улыбками. С другой стороны, национализм своими действиями сам вынес себе приговор. В истории любые националистические движения всегда служат признаком упадка. Лишь когда рушится монументальное здание Римской империи и распадается духовная общность, наполнявшая смыслом существование ее многочисленных провинций, начинают возникать национальности. С тех пор Запад так и не смог вновь обрести единство. Сегодня вернуть ему его подлинное назначение пытается интернационализм, но уже не на основе христианства и помимо папского Рима и Священной Римской империи. Сегодня базовым принципом становится человек. Единство достигается не через веру, а через надежду. Цивилизация существует, пока источником ее единства и величия служит, поверх всех национальных особенностей, принцип духовности. Индия, размерами почти не уступающая Европе, даже после двух веков английского владычества сохранила свое лицо, не имея ни наций, ни верховного правителя.

Вот почему мы прежде всего отвергаем принцип средиземноморского национализма. Впрочем, вопрос не в превосходстве средиземноморской культуры. Человек выражает себя в гармонии со своей страной, и превосходство в области культуры сводится исключительно к этой гармонии. Не бывает более или менее великих культур. Есть культуры более или менее подлинные. Все, чего мы хотим, — это помочь стране выразить себя. На местном уровне. Только и всего. Возможна ли средиземноморская культура — вот в чем вопрос.

II

Очевидные факты

а) Есть Средиземное море, в бассейне которого расположены десятки стран. Шумные завсегда-таи испанских кафешантанов и гуляки, бродящие по генуэзскому порту и по набережным Марселя — эта удивительная и сильная раса, живущая бок о бок с нами, — все они происходят из одной семьи. Когда, путешествуя по Европе, попадаешь в Италию или в Прованс, вздыхаешь с облегчением, встречая этих небрежно одетых людей, эту яркую и бьющую ключом жизнь, так хорошо знакомую нам всем. Я провел два месяца в Центральной Европе, от Австрии до Германии, не переставая задаваться вопросом: откуда у меня это ощущение придавленности, это поселившееся во мне глухое беспокойство? Не так давно я понял. Окружавшие меня люди всегда были застегнуты на все пуговицы. Они не знали, что такое непосредственность. Не ведали радости, которую не следует путать со смехом. Но именно такие детали и позволяют наполнить слово «Родина» истинным смыслом. Родина — не абстракция, побуждающая людей к массовым убийствам, а определенный вкус к жизни, свойственный многим человеческим существам, благодаря чему житель Генуи или Майорки мне ближе, чем уроженец Нормандии или Эльзаса. Это и есть Средиземноморье — его особый дух, неповторимый аромат, с трудом поддающийся описанию. Мы просто чувствуем его кожей.

б) Есть и другие очевидные факты, в том числе исторические. Каждый раз, когда в Средиземноморский бассейн проникало какое-либо учение,

вызывая битву идей, страны Средиземноморья оставались собой: этот край способен победить любое учение. Исходно христианство было эмоционально заряженным, но закрытым учением, проникнутым духом иудаизма и меньше всего размышляющим о возможных последствиях — суровых, ни на что не похожих и восхитительных. Его проникновение в Средиземноморье породило новое учение — католицизм. К своду чаяний, основанных на чувстве, добавилась философия. Сооружение величественного здания было завершено, декорировано — и приспособлено к человеку. Благодаря Средиземноморью христианство сумело охватить мир и, как нам известно, начать по нему свое чудесное шествие.

Тем, кто превратил христианство — замкнутое на себе и страдающее — в гимн природе и простодушной радости, был опять-таки уроженец Средиземноморья — Франциск Ассизский. А единственной попыткой оторвать христианство от мира мы обязаны представителю северного народа — Мартину Лютеру. Протестантизм есть не что иное, как католицизм, вырванный из средиземноморской почвы и освобожденный от ее одновременно пагубного и захватывающего влияния.

Присмотримся внимательнее. Для того, кто успел пожить и в Германии, и в Италии, очевидно, что в каждой из этих двух стран фашизм выглядит по-разному. В Германии он ощущается повсюду, на улицах городов, читается на лицах людей. Военизированный город Дрезден буквально задыхается под пятой невидимого врага. В Италии вы сразу чувствуете, что вы в Италии. Немец — это прежде всего тот, кто приветствует

вас возгласом: «Хайль Гитлер!» Итальянец — это прежде всего радушный и веселый человек. Здесь, судя по всему, учение снова отступает перед духом страны: Средиземноморье чудесным образом позволяет людям гуманистических убеждений жить, не подвергаясь репрессиям, в государстве с антигуманными законами.

III

Для нас, однако, в живой реальности Средиземноморья нет ничего нового. Представляется, что его культура складывалась по образу и подобию древнеримской, попытку возвращения которой в Средние века предприняло Возрождение. Этот латинский дух и стремятся монополизировать Моррас и его сторонники. Во имя сохранения этого латинского духа двадцать четыре западных интеллектуала подписали в ходе Абиссинского кризиса позорный манифест, прославляющий цивилизаторское вмешательство Италии в дела варварской Эфиопии.

Но нет. Не такое Средиземноморье нужно нашему Дому культуры. Просто потому, что оно действительно иное. Не абстрактно-условное, каким его видят Рим и римляне. Этот народ имитаторов, лишенных фантазии, все же вообразил, будто способен заменить свой вечный дефицит художественного гения и жизненного смысла гением войны. Хваленый порядок, который они стремятся нам навязать, делает ставку на силу, а не на разум. Даже копируя, они все только портили. Они ведь имитировали не подлинный гений Греции, а плоды ее упадка и ошибки. Не

сильную и несгибаемую Грецию великих трагедий и комедий, а кокетливое жеманство ее последних веков. Рим позаимствовал у Греции не жизнь, а абстрактное инфантильное резонерство. Средиземноморье — это совсем иное. Оно являет собой отрицание Рима и латинского духа. Воплощает жизнь и не желает иметь ничего общего с абстракциями. Мы охотно согласимся с претензией господина Муссолини на роль достойного преемника античных Цезаря и Августа, если понимать под ней то же стремление принести истину и величие в жертву бездушному насилию.

Мы хотим для Средиземноморья не абстрактного резонерства, а свойственной ему жизни — с его дворами, кипарисами, пирамидами перцев. Эхсила, а не Еврипида; дорических Аполлонов, а не ватиканских копий. Испании с ее силой и пессимизмом, а не римского бахвальства; выжженных солнцем пейзажей, а не театральной декорации, на фоне которой диктатор, пьянея от собственного голоса, подчиняет себе толпу. Мы хотим не лжи, победившей в Эфиопии, а правды, которую сейчас убивают в Испании.

IV

Средиземноморский бассейн — территория, населенная многими народами и подверженная множеству течений, возможно, единственный регион, способный к восприятию великой восточной философии. Далекий от упорядоченности классицизма, многоликий и неугомонный, он дает о себе знать в арабских кварталах или в портах Генуи и Туниса. Торжествующее жизнелюбие, сутолока

и скука, пустеющие к полудню площади Испании, сиеста — вот что такое подлинное Средиземноморье, и это сближает его с Востоком. С Востоком, а не с латинским Западом. Северная Африка — единственный регион, где Восток и Запад сосуществуют. В этой точке слияния нет никакой разницы в образе жизни испанца или итальянца с набережных Алжира и окружающих их арабов. Не исключено, что своей сущностью средиземноморский дух обязан этой уникальной в истории и географии встрече Востока и Запада. (На эту тему достаточно послушать Аудицио¹.)

Эта культура, эта средиземноморская правда существует и проявляет себя в самых разных аспектах:

1. В языковом единстве (владея одним из романских языков, легко выучить другой).

2. В единстве происхождения (поразительный коллективизм Средних веков — рыцарские ордена, монашеские ордена, феодальные структуры и т.д.). В этом смысле Средиземноморье воплощает картину живой цивилизации — причудливой, осязаемой, меняющей любые теории по своему образу и подобию и впитывающей чужие идеи, не изменяя собственной природе.

Но, возразят нам, зачем в таком случае делать что-либо еще?

V

Проблема в том, что регион, преобразовавший большое количество всевозможных учений,

¹ Вальтер Аудицио (1909—1973) — деятель итальянского антифашистского Сопротивления, коммунист.

сейчас должен так же поступить с нынешними. Средиземноморский коллективизм не похож на русский коллективизм в прямом смысле слова. Сегодня судьба коллективизма решается не в России, а в странах Средиземноморского бассейна и в Испании. Да, судьба человека стоит на кону давно, но, полагаю, именно здесь эта игра достигла высшей степени трагизма, а у нас на руках так много козырей. На наших глазах разворачиваются события, которые сильнее нас, однако наше сознание примет их и приспособится к ним. Вот почему наши противники, возражая нам, ошибаются во всем. Никто не имеет права предрешать судьбу того или иного учения или судить о собственном будущем исходя из прошлого, даже если речь идет о России.

Мы видим нашу задачу в том, чтобы реабилитировать Средиземноморье, вернуть его себе, отобрав у тех, кто безосновательно заявляет на него свои права, и подготовить к восприятию новых неизбежных экономических форм. Мы должны понять, что здесь есть конкретное, живое, и в любом случае способствовать развитию самых разных аспектов его культуры. Сделать это нам проще, поскольку мы находимся в непосредственном соприкосновении с Востоком, у которого можем многому в этом отношении научиться. Мы — со Средиземноморьем, а не с Римом. Такие города, как Алжир и Барселона, могли бы сыграть важнейшую роль, внося скромный вклад в развитие средиземноморской культуры, нацеленной на служение человеку, а не на его подавление.

VI

У современной интеллигенции трудная роль. Не ей приходится менять историю. Кто бы что ни говорил, вначале происходят революции, и лишь затем наступает черед идей. Поэтому в наши дни верность духовным ценностям требует огромного мужества. Но оно, по крайней мере, не бесполезно. Если сегодня образ интеллигента встречает столько презрения и осуждения, то потому, что с ним связано представление о некоем господине, увлеченно спорящем на абстрактные темы и не способном обратить внимание на реальную жизнь, ставящем свою личность выше остального мира. Но для тех, кто не намерен увильнуть от ответственности, главная задача — реабилитировать интеллигенцию, вдохнув жизнь в материал, с каким она работает, вернуть понятию духовного его истинный смысл, а культуре — подлинный здоровый и солнечный облик. Я уже говорил, что это мужество не бесполезно. Действительно, если менять историю — не дело интеллигенции, то ее задача — воздействовать на человека, который творит историю. Мы должны способствовать решению данной задачи. Мы хотим снова связать культуру с жизнью. Этому нас учит Средиземноморье, окруженное улыбками, солнцем и морем. В своей книге «Анабасис» Ксенофонт рассказывает, что после унижительного поражения в Азии греческие воины возвращались домой, умирая от голода и жажды, но, поднявшись на вершину горы, откуда открывался знакомый им с детства вид на море, они пустились в пляс, забыв об усталости и горе. Мы тоже не хотим отделять себя от мира. Существует всего одна культура. Не

та, что питается абстракциями и пишется с заглавной буквы. Не та, что осуждает. Не та, что обеляет несправедливость и убийства эфиопов и оправдывает стремление к варварским завоеваниям. Нам она хорошо знакома, и мы ее отвергаем. Нам нужна культура, живущая в дереве, в холме, в человеке.

Вот почему представители левых движений сегодня выступают перед вами в защиту дела, на первый взгляд не имеющего ничего общего с их убеждениями. Мне хотелось бы, чтобы и вы вслед за мной поверили в обратное. Мы считаем своим все, что живо. Политика для людей, а не люди для политики. Обитателям Средиземноморья нужна средиземноморская политика. Мы не желаем жить баснями. В окружающем нас мире насилия и смерти нет места надежде. Но, может, в нем есть место для цивилизации — подлинной цивилизации, для которой правда важнее сказки, а жизнь — главнее мечты. Этой цивилизации не нужна надежда. Внутри нее человек живет с опорой на истины¹.

К этому общему усилию должны присоединиться люди Запада. В рамках интернационализма это осуществимо. Если каждый в собственной области, в своей стране, в провинции согласится внести скромный вклад, успех не за горами. Что до нас, то мы знаем, в чем наша цель, и сознаем свои ограничения и возможности. Нам достаточно открыть глаза, чтобы увидеть, в чем состоит наша задача: убедить остальных в том, что сущность культуры — в служении жизни, а никакая духов-

¹ Я говорил о новой цивилизации, а не о прогрессе в рамках цивилизации. Слишком опасно манипулировать вредной игрушкой, именуемой прогрессом. — *Прим. авт.*

ность не должна быть враждебна человеку. Так же, как средиземноморское солнце светит всем, и плоды трудов человеческого интеллекта должны быть общим достоянием, а не источником конфликтов и причиной убийств.

Возможна ли новая средиземноморская культура, отвечающая нашему идеалу? Да. Но нам и вам предстоит помочь ее становлению.